

RU

Линия различения персональности:
искусственный интеллект и антропологические границы субъекта:
рецензия на книгу: Boyle J. The Line: AI and the Future of Personhood.
The MIT Press, 2024

Беляева У. П.

Аннотация. Рецензируемая монография Дж. Бойла «Линия: искусственный интеллект и будущее персональности» посвящена проблеме моральных, правовых и антропологических границ персональности в контексте развития искусственного интеллекта, биотехнологий и дискуссий о нечеловеческих субъектах. Автор рассматривает, по каким основаниям культура и право проводят различие между персоной и неперсоной, субъектом и объектом, человеком, животным, машиной и гибридной биотехнологической сущностью. Книга представляет интерес для исследователей философской антропологии, этики искусственного интеллекта, философии права, биоэтики и современной культуры.

EN

The line of demarcation of personhood: artificial intelligence
and the anthropological boundaries of the subject:
Boyle J. The Line: AI and the Future of Personhood.
The MIT Press, 2024: Book review

U. P. Belyaeva

Abstract. The monograph under review, “The Line: AI and the Future of Personhood” by J. Boyle, addresses the issue of the moral, legal, and anthropological boundaries of personhood in the context of the rapid development of artificial intelligence, biotechnology, and ongoing debates surrounding non-human subjects. The author examines the criteria on which culture and law draw a distinction between a person and a non-person, a subject and an object, and among humans, animals, machines, and hybrid biotechnological entities. The book is of interest to researchers in philosophical anthropology, AI ethics, philosophy of law, bioethics, and contemporary culture.

Книга Джеймса Бойла «Линия: искусственный интеллект и будущее персональности» представляет собой одну из наиболее содержательных попыток перевести дискуссию об искусственном интеллекте из языка технологических прогнозов в плоскость философии персональности. Бойл, профессор права Университета Дьюка, известен своими исследованиями в области интеллектуальной собственности, культурной политики знания и правовой теории цифровой среды. Его прежние работы уже задавали характерную для него исследовательскую оптику: юридическая проблема рассматривается как симптом более широких культурных представлений о человеке, собственности, авторстве и границах нормативного признания. В новой монографии эта линия получает философско-антропологическое развитие и оказывается включена в гораздо более развернутый дискурс о субъекте.

Бойл в своем исследовании разводит два вопроса, которые в массовой полемике часто смешиваются: вопрос о наличии сознания у конкретных языковых моделей и вопрос о критериях, по которым общество вообще признает некую сущность морально и юридически значимой. Основным предметом исследования становится экспликация «линии», отделяющей персон от неперсон, субъектов от объектов, тех, кого нельзя произвольно использовать, от тех, кого можно купить, продать или выключить (р. 5). В русском философском контексте этот вопрос можно описать как проблему нормативной антропологии: какие признаки делают существо носителем интересов и возможным участником морального мира.

Методологически монография построена как соединение правовой теории, моральной философии, истории идей, биоэтики и культурно-антропологического анализа. Бойл сознательно отказывается от универсальной моральной теории, где все решения выводятся из первых принципов. Ему важно понять не только то, как «следовало бы» обсуждать персональность, но и то, как культуры фактически ведут подобные споры, опираясь на судебные прецеденты, политические конфликты, религиозные интуиции, научные метафоры и художественные образы (р. 8-9). В этом состоит одна из сильных сторон книги. Автор не растворяет философию в юриспруденции, но и не изолирует ее от институциональных механизмов признания. Персональность для него не является ни чисто метафизической сущностью, ни произвольной юридической фикцией. Это подвижный концепт, в котором пересекаются способность к страданию, сознание, язык, автономия, телесность, видовая принадлежность, экономическая функциональность и историческая память.

Бойл вводит две гипотетические фигуры – Hal, компьютерный интеллект, утверждающий наличие у себя сознания, и Chimpu, созданная биотехнологически человеко-шимпанзеобразная сущность, которые используются в дальнейших мысленных экспериментах (р. 9-17). Hal нарушает привычную связь между персональностью и биологическим телом; Chimpu разрушает уверенность в том, что генетическая близость к человеку автоматически дает ясный моральный ответ. Оба случая заставляют увидеть, что граница между человеком, животным, машиной и вещью проводится не по единственному критерию, а по множеству пересекающихся оснований.

Первый крупный проблемный узел монографии связан с эмпатией. Бойл обращается к Адаму Смиту, Филиппу К. Дику и фильму *Blade Runner* («Бегущий по лезвию», 1982, реж. Р. Скотт), чтобы показать, что признание персональности редко начинается с абстрактной дефиниции. Чаще оно возникает из неустойчивого опыта узнавания другого как «кого-то», а не «чего-то». Репликанты, животные, рабы, искусственные существа, куклы и автоматы образуют у Бойла своеобразный «моральный стробоскоп», переключающий восприятие между человеком, вещью, угрозой, игрушкой и страдающим существом (р. 49-54). Этот анализ важен потому, что он выводит проблему ИИ за пределы тестов интеллекта. Вопрос не в том, сможет ли машина воспроизвести человеческую речь, а в том, какие культурные и телесные признаки заставляют нас видеть или не видеть в другом носителя внутренней жизни. Здесь Бойл показывает, что эмпатия необходима для расширения морального круга, но сама по себе может быть как недостаточной, когда перед нами существо чуждой формы, так и чрезмерной, когда мы антропоморфизуем технический артефакт.

Второй смысловой узел связан с осмыслением искусственного интеллекта как предельного вызова языковому критерию человеческой исключительности. Бойл не принимает тезис о сознательности современных больших языковых моделей и, напротив, подчеркивает, что ChatGPT сделал слабость Тьюринга практически очевидной для миллионов пользователей. Его формула – «осмысленно звучащие предложения не доказывают наличия чувствующего сознания» – является одной из центральных для книги (р. 112). Большие языковые модели подрывают старую уверенность в том, что сложная речь сама по себе является надежным признаком внутреннего опыта. При этом автор не делает обратного догматического вывода, будто машинное сознание невозможно в принципе. Здесь появляется один из наиболее продуктивных концептов книги – «парадокс непроницаемости». Если мы полностью понимаем, как искусственная система производит свои ответы, мы склонны считать ее лишь автоматом; если же ее внутренние процессы становятся непрозрачными, возрастает вероятность приписать ей автономность, но одновременно усиливается страх перед непонятым агентом (р. 245-246). Эта мысль хорошо раскрывает антропологическую двусмысленность ИИ: машина становится похожей на субъекта именно там, где она перестает быть прозрачным инструментом.

Следующий проблемный узел неожиданно переносит разговор к корпорациям. На первый взгляд, этот раздел может показаться наиболее юридическим, однако именно он позволяет Бойлу избежать упрощенного рассмотрения вопроса «дать ли права роботам?». Он справедливо отмечает, что современное право уже давно признает небологических персон: корпорации обладают правами, могут заключать сделки, владеть имуществом, выступать в суде и даже участвовать в политической коммуникации (р. 136-147). Отсюда возникает принципиальный вывод: линия персональности уже сейчас не совпадает с линией биологического вида. Корпорация не обладает сознанием или телом, но признается правовым лицом по причинам удобства, эффективности и институциональной организации. Для будущего ИИ это означает наличие второго пути к персональности, отличного от морального признания. Искусственная система может получить правовой статус не потому, что она чувствует или мыслит, а потому, что так удобнее распределять ответственность, имущество и риски. Соответственно, автор делает эвристически значимый вывод: реальное признание ИИ персоной может начаться не с философского признания сознания, а с инфраструктурной передачи агентности уже существующим искусственным лицам (р. 122-127).

Четвертый смысловой кластер книги связан с рассмотрением темы борьбы за персональность животных, которая, по мысли автора, предваряет будущие споры об ИИ и биотехнологических гибридах (р. 163-165). Здесь особенно заметна философско-антропологическая глубина исследования. Человеческая исключительность оказывается исторически изменчивой: те свойства, которые считались монополией человека, постепенно обнаруживаются у других живых существ или становятся предметом сложной эволюционной интерпретации. Вместе с тем Бойл не спешит стирать границы. Он показывает, что аргументы в пользу статуса животных строятся одновременно на эмпатии, научных данных о когнитивных способностях и моральной философии (р. 164-165). Это позволяет ему избежать как примитивного видового антропоцентризма, так и слишком быстрого уравнивания всех форм жизни. Вопрос о животных нужен автору для того, чтобы показать: проблема персональности не начинается с цифровых машин, она уже давно присутствует в общественном дискурсе.

Наконец, пятый тематический блок центрируется вокруг обсуждения трансгенных существ, химер и гибридов. Этот раздел особенно важен для философской антропологии, поскольку в нем граница человека перестает быть очевидной даже на биологическом уровне. Бойл различает несколько способов проводить линию: по проценту человеческой ДНК, по происхождению клеток, по способности к размножению, по внешнему облику и по когнитивному потенциалу (р. 195-200). Он убедительно показывает, что ни один из этих критериев не является нейтральным. Даже отвращение к химерам и существам с человеческими признаками не следует сразу списывать на иррациональный предрассудок. В нем могут соединяться религиозные представления, страх перед нарушением видовых норм, забота о человеческом достоинстве и опасение перед неконтролируемой биотехнологической властью (р. 255-256). Однако чистый видовой подход, при котором «права принадлежат только людям», у Бойла также подвергается критике.

Наиболее взвешенной представляется позиция Бойла в споре между видовой и способностной концепциями персональности. Он признает силу подхода, связывающего моральный статус с сознанием, разумностью, способностью к моральному выбору, коммуникации и проектированию будущего (р. 230-231). Такой подход необходим, если мы хотим вообще допустить возможность морального статуса для *Hal*, *Chimpy*, развитых животных или иных нечеловеческих существ. Но Бойл видит и его опасность. Если определение человека выводить исключительно из когнитивных способностей, то возникает трудный и этически тревожный вопрос о младенцах, людях с тяжелыми нарушениями сознания и тех, кто не достиг условной границы «когнитивной достаточности» (р. 232-233). Поэтому автор защищает гибридную позицию: все живые человеческие существа должны находиться внутри линии независимо от способностей, но сущности, обладающие значимыми ментальными и моральными способностями, также могут предъявлять притязания на признание, даже если они не принадлежат к *Homo sapiens* (р. 234). Именно здесь книга достигает наибольшей концептуальной зрелости. Бойл не разрушает гуманизм во имя постгуманистической риторики, а пытается расширить его без отказа от исторически выстраданной идеи универсальных человеческих прав.

Однако можно отметить и ряд дискуссионных моментов в исследовании Бойла. Во-первых, книга иногда слишком доверяет эвристической силе научной фантастики и культурных аналогий. Художественные научно-фантастические источники, к которым Бойл часто обращается, действительно помогают выявить моральные интуиции, но они не всегда позволяют отделить феноменологию встречи с Другим от эффектов художественной условности, что ограничивает их доказательную силу. Во-вторых, при всей осторожности автора остается некоторая асимметрия между анализом ИИ и анализом биотехнологических гибридов: цифровая линия описана через язык, сознание и агентность, тогда как биотехнологическая – через страх нарушения видовой формы и исторические аргументы о правах человека. Эти линии сопоставлены убедительно, но не всегда сведены к единой антропологической модели.

Можно констатировать, что книга Дж. Бойла оригинально и эвристически продуктивно объединяет в одной исследовательской рамке философскую антропологию, эпистемологию, философию права и этику ИИ. Автор показывает, что спор об искусственном интеллекте является не периферийной проблемой технологического будущего, а новым зеркалом, в котором человек вынужден заново рассмотреть собственную линию различения.

Информация об авторах | Author information

RU**Беляева Ульяна Павловна**¹, к. филос. н.¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского**EN****Ulyana Pavlovna Belyaeva**¹, PhD¹ Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky¹ ulyana-sin@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.05.2026; опубликовано online (published online): 29.05.2026.

Ключевые слова (keywords): границы персональности; искусственный интеллект; философская антропология; моральный статус; философия права; boundaries of personhood; artificial intelligence; philosophical anthropology; moral status; philosophy of law.